

ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕИ КРУГОВОГО ДВИЖЕНИЯ И ЦИКЛИЧНОСТИ В ЕВРОПЕЙСКОЙ КАРТИНЕ МИРА: НИЦШЕАНСКИЙ КОНТЕКСТ

В. Б. Малышев¹, Т. Г. Стоцкая², А. А. Шестаков³

Самарский государственный технический университет, Самара, Россия

¹e-mail: vlmaly@yandex.ru

²e-mail: stotskaya@yandex.ru

³e-mail: shestakovalex@yandex.ru

Аннотация. В различных культурах, в том числе европейской, со времен Платона и Аристотеля, рассуждения о совершенстве, величии космоса и вращении его светил претерпели определенную эволюцию. Сегодня они особенно актуальны, поскольку настоятельно и неуклонно напоминают нам о возможности дальнейшего самосовершенствования.

Цель исследования – изучение эволюции представлений о круговом движении и цикличности в европейской картине мира в культурно-историческом контексте, в свете идеи вечного возвращения Ф. Ницше. Наша методика изучения кругового движения небесных тел в европейской культуре строится на базе феноменологического подхода в аспекте культурно-историческом, на пограничье философии культуры и онтологии. Феноменология представлений о круговом движении в разные исторические эпохи выводит нас на территорию глубинной онтологии, где присутствуют внечеловеческие инстанции. Потеря связи с божественной инстанцией, утрата понимания природы как *φύσις*, изгнание всего трансцендентного из человеческого мира отмечены метанарративом Ницше – «Бог мертв». В результате, вместо яркого понимания времени и символики циклического движения круговое движение интерпретируется как особая идеализация, абстрактная схема, что отражено в работах Жана Бодрийяра. Здесь особенно важна орбитальная метафора – все предметы вышли на символическую орбиту. Происходит «орбитальная» трансформация вещей, ценностей и сознания. Главное в такой трансформации – это переход от состояния мира человека, от вполне осязаемых физических величин к пространственно-временной симуляции, миру гиперреальному. Циркулируют уже не столько «вещи», сколько кванты энергии, «биты» информации и импульсы электронных сигналов. Идеальные структуры технологий и средств массовой информации заменили совершенство космического миропорядка в его античном понимании и ощущение живого присутствия Бога, как это было в средние века. Нами установлено, что весьма перспективно сегодня переосмыслить смысл ницшеанской идеи вечного возвращения. Выявлено, что она более продуктивно, чем идея всеобщего кругового движения и орбитальности, проливает свет на истинный смысл телеологии и семантики кругового движения, фокусируясь не на абстрактном созерцании существования, а на необходимости дальнейшего совершенствования самого человека. Прдемонстрировано, что символика неизбывного стремления человека к бессмертию и неукротимого движения к совершенству отражена в идее вечного возвращения, которая раскрывает смысл идеи всеобщего кругового движения во Вселенной с антропологической точки зрения. Перспективы дальнейшего изучения учения Ницше о вечном возвращении заключаются в обновлении учения о человеке в его новом качестве, дают урок антропологического оптимизма, веры в дальнейшее развитие проекта «человек».

Ключевые слова: семантика кругового движения, орбитальность, вечное возвращение, гиперреальность.

Для цитирования: Малышев В. Б., Стоцкая Т. Г., Шестаков А. А. Эволюция идеи кругового движения и цикличности в европейской картине мира: ницшеанский контекст // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2026. – № 1. – С. 119–128. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2026-1-119>.

Original article

THE EVOLUTION OF THE IDEA OF CIRCULAR MOTION AND CYCLICITY IN THE EUROPEAN WORLDVIEW: THE NIETZSCHEAN CONTEXT

V. B. Malyshev¹, T. G. Stotskaya², A. A. Shestakov³

Samara State Technical University, Samara, Russia

¹e-mail: vlmaly@yandex.ru

²e-mail: stotskaya@yandex.ru

³e-mail: shestakovalex@yandex.ru

Abstract. In various cultures, including European ones, since the time of Plato and Aristotle, discussions about the perfection, greatness of the Cosmos and the rotation of its luminaries have undergone a certain evolution. They are especially relevant today because they strongly and steadily remind us of the conceptual possibility of self-improvement. The purpose of our work is to study the evolution of ideas about circular motion and cyclicity in the European worldview in a cultural and historical context, in the light of the idea of F. Nietzsche's eternal return. Our methodology for studying the circular motion of celestial bodies in European culture is based on a phenomenological approach in the aspect of cultural and historical, on the borderline of cultural philosophy and ontology. The phenomenology of circular motion concepts in different historical epochs takes us to the territory of deep ontology, where there are extrahuman instances. The loss of connection with the divine authority, the loss of understanding of nature as φύσις, and the expulsion of all transcendence from the human world are marked by Nietzsche's meta-narrative – «God is dead». As a result, instead of a vivid understanding of time and the symbolism of cyclic motion, circular motion is interpreted as a special idealization, an abstract scheme, which is reflected in the works of Jean Baudrillard. The orbital metaphor is especially important here – all objects have entered a symbolic orbit. There is an «orbital» transformation of things, values and consciousness. The main thing in such a transformation is the transition from the state of the human world, from quite tangible physical quantities to a space-time simulation, a hyperreal world. It is no longer so much «things» that circulate, as quanta of energy, «bits» of information, and pulses of electronic signals. The ideal structures of technology and mass media have replaced the perfection of the cosmic world order in its ancient understanding and the sense of the living presence of God, as it was in the Middle Ages. We have established that it is very promising today to rethink the meaning of Nietzsche's idea of eternal return. It is revealed that it is more productive than the idea of universal circular motion and orbitality, sheds light on the true meaning of the teleology and semantics of circular motion, focusing not on the abstract contemplation of existence, but on the need for further improvement of man himself. It is demonstrated that the symbolism of man's inescapable desire for immortality and indomitable movement towards perfection is reflected in the idea of eternal return, which reveals the meaning of the idea of universal circular motion in the universe from an anthropological point of view. The prospects for further study of Nietzsche's doctrine of eternal return consist in updating the doctrine of man in his new capacity, giving a lesson in anthropological optimism, faith in the further development of the human project.

Key words: semantics of circular motion, orbitality, eternal return, hyperreality.

Cite as: Malyshev, V. B., Stotskaya, T. G., Shestakov, A. A. (2026) [The evolution of the idea of circular motion and cyclicity in the European Worldview: the Nietzschean context]. *Intellect. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 1, pp. 119–128. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2026-1-119>.

Введение

Эволюция идеи вечного возвращения в европейской картине мира, которая обрела свою новую жизнь и особенно ярко просияла в концепции Фридриха Ницше, чрезвычайно насыщена. Эта концепция имеет собственную глубинную онтологическую архитектуру и свою предысторию. Структурное, формальное выражение идей в концепции Фридриха Ницше о вечном возвращении – это рекуррентность, цикличность и повторение всех вещей. Всё кружит,

всё вращается, вновь и вновь возвращаясь «на круги своя». Однако метафорическое содержание этих идей отсылает к высшему идеалу, высшему состоянию сущего, которое гораздо важнее, чем дискурс цикличности. Проблема исследования состоит в том, что гносеология кругового движения во Вселенной фундаментально изучена в контексте истории естественных наук [2; 7], но необходимо ее дополнение в антропологических, культурно-философских параллелях к метафизическим изысканиям. Совмещение не-

скольких перспектив культурно-исторических представлений о феноменологии кругового движения, в частности, структурно-функциональной и антропологической (телеологической), делает весьма эвристически продуктивной и онтологически углубляет идею кругового движения и цикличности в европейской картине мира. Ведь в центре, между этих двух перспектив находится сам человек, устремленный к совершенству.

Идея совершенства кругового движения в античности

Само по себе круговое движение материи должно соотноситься с тем или иным внечеловеческим субъектом, к примеру, инспирированным волей богов или титанов круговращением звездного вещества и каждым крупным светилом звездного неба, как проявлением жизни божества. В частности, Аристотель указывал, что природа светил и соответствующих небесных сфер «является вечной», и что мы имеем «представление о том, что здесь мы имеем богов и что божественное начало объемлет всю природу». Впрочем, Аристотель под богами, скорее всего, понимал «первые сущности» мироздания: «всякое пространственное движение происходит не ради него самого или ради другого движения, а ради светил», и «эти светила суть боги» [1, с. 334–337]. В самом изначальном, простом смысле вечное возвращение для древних – это возвращение светил «на круги своя» в течение так называемого Великого Года. Так, Великий год Браммы в индийской культуре очень велик, 100 лет жизни божества составляют 311 040 млрд земных лет [6, с. 49].

«Великий год», или «Совершенный год», упоминается Платоном, Аристотелем и Евдемом. Великий год Платона, или прецессионный год, длится около 26000 лет. Платонов год – это период, за который Солнце, Луна и пять планет Солнечной системы возвращаются в изначальное положение.

Уподобление движения светил цикличной работе сознания мы находим у современных авторов, но такое уподобление имеет свою антропологическую глубину. В своей работе «Символ и сознание» М. Мамардашвили и А. Пятигорский утверждают, что Ницше не хватило вторичной рефлексии над своими идеями [9, с. 169–174]; «человек <...> есть уникальное существо, единственное существо во вселенной, которое может образовываться, складываться, развиваться вокруг своей мысли о сверхчеловеческом, нечеловеческом, надчеловеческом и внечеловеческом» [9, с. 202]. Последнее из перечисленных понятий, понятие внечеловеческого, наиболее объемно и фундаментально, ибо человек предстает в виде малой капли в океане внечеловеческого. Тем самым прекрасно

рефлексируется глубинное измерение бытия человека в Космосе.

Со времен античности круговое движение является символом совершенства, которым внечеловеческое начало наделяет жизнь смертных. Понятие совершенства очень важно для понимания символизма кругового движения. Совершенство обычно определяют как полноту всех достоинств, доведенную до своего завершения, без изъянов высшую степень какого-либо положительного качества в определенной области. В. Татаркевич суммирует идеи Аристотеля, Фомы Аквинского и мыслителей Ренессанса. Он отмечает, что совершенство – это то, «что завершено, доведено до конца, а поэтому полно», что «достигло своей цели», «то, что гармонично, построено согласно единому принципу» [16, с. 338–341]. Со времен Платона совершенство обретается через мир идей, появляется понимание совершенства как идеального. В этом смысле идеальное круговое движение небесных светил воспринимается как совершенное, завершённое, гармоничное. Тем не менее, учитывая сказанное выше, мы не стали бы утверждать, что это единственная модель совершенства. Совершенно все, что произвела на свет Первопричина всего, или Бог, например, протяженность материи. Все зависит от культурно-исторической эпохи и об этом свидетельствуют высказывания мыслителей Нового времени, когда естествознание еще не успело утратить веру в божественную теодицею и телеологию достижения совершенства. Именно этим духом пропитаны сочинения Джозефа Рафсона и Исаака Ньютона [7, с. 176].

Платон в своих диалогах говорит о божественном совершенстве кругового движения небесных тел [13; 14]. Самосозерцание вечного круговращения светил на небе, украшенное речами Сократа, заставляет персонажей платоновских диалогов размышлять о вечности и бессмертии. «Страх смерти куда-то ушел, на его место пришло томление, меня охватило желание, подражая ораторам, сказать нечто тонкое: ведь я уже давно занимаюсь небесными явлениями и слежу за божественным вечным круговоротом, а потому я воспрял от своей слабости и стал новым человеком» [13, с. 420]. Величественное и упорядоченное движение, мерное вращение макрокосмических тел заставляет сознание ощутить гармонию и упорядоченность видимой вселенной, это ощущение проникает и во внутренний мир человека.

В диалоге «Тимей» Платон повествует о сферической форме всего как наиболее совершенной в Космосе. Демиург «путем вращения округлил космос до состояния сферы, поверхность которой повсюду равно отстоит от центра, то есть сообщил Вселенной очертания, из всех очертаний наиболее совершенные и по-

добные самим себе, а подобное он нашел в мириады раз более прекрасным, чем неподобное. Вся поверхность сферы он вывел совершенно ровной, и притом по различным соображениям» [13, с. 436].

Катарсис от созерцаемого совершенства космоса «через усмотрение гармоний и круговоротов» дает возможность смертным инициировать и направить, исправить «круговороты» в собственном внутреннем мире: «Если есть движения, обнаруживающие сродство с божественным началом внутри нас, то это мыслительные круговращения Вселенной. Им и должен следовать каждый из нас, дабы через усмотрение гармоний и круговоротов мира исправить круговороты в собственной голове, нарушенные уже при рождении. Иначе говоря, добиться, чтобы созерцающее, как и требует изначальная его природа, стало подобно созерцаемому, и таким образом стяжать ту совершеннейшую жизнь, которую боги предложили нам как цель на эти и будущие времена» [13, с. 498].

Итак, для греческой философии идея вечного кругового движения соотносилась с движением небесных тел. Аристотель, к примеру, указывал, что «всегда бывают даны одни и те же вещи либо в кругообороте, либо – иным путем, если только деятельность раньше способности» [1, с. 327–328]. Говоря о видимом движении небесной сферы, он утверждал, что «если теперь одно и то же всегда повторяется в кругообороте, всегда должно оставаться нечто, действующее одним и тем же путем» [1, с. 329]. Согласно Аристотелю, круговое движение является первым изменением в пространстве вокруг воображаемой первопричины всего, перво двигателя сущего. Круговое движение вызывается к жизни таким первобытием [1, с. 331]. Само же первобытие вечно, неподвижно и отделено от чувственных вещей [1, с. 333]. Тем не менее, движение космических тел все же вбирает в себя атрибут вечности: перед нашим взором проходят «вечные движения планет», ибо «природа светил является вечною», в этой ситуации «вечно и не знает покоя движущееся круговым движением тело» [1, с. 334]. А также «существует что-то, что вечно движется безостановочным движением, а таково движенье круговое» [1, с. 327–328].

Идея кругового движения в эпоху Возрождения

О круге как конкретизации бесконечной линии, линии Бога, рассуждает Николай Кузанский в «Ученном незнании». Много позже эта интенция обретает свое развитие в идее, обозначенной Фридрихом Ницше, емкой фразой – *всё прямое лжет*. В этом плане идеи Кузанского и Ницше удивительным образом сходятся. Прямая линия является скорее видимостью,

иллюзией, ибо художник, почитающий эстетическую классику, с большой долей вероятности скажет нам, что в природе нет прямых линий (за исключением, разве что, некоторых современных людей искусства, «неизлечимо» погруженных в мир абстракции, в том числе и авангардной, цифровой и т. д.). Движение по кажущейся столь явной прямой линии – лишь частный случай божественного совершенства кругового движения во вселенной. Первым ясно и отчетливо эту идею высказал Николай Кузанский. Мыслитель указывает, что «самая совершенная и всеобъемлющая конкретизация бесконечной линии есть круг, потому что начало здесь совпадает с концом, так что более совершенное движение круговое, а более совершенная из телесных фигур – сферическая» [8, с. 134]. Фигуры движения выстраиваются от более простых к более сложным. Линия, угол, треугольник, затем многогранник и, наконец, круг, а затем – сфера.

Совершенные формы в архитектонике бытия, такие как, к примеру, круг и сфера, по мнению Кузанского, относясь именно к сфере божественной актуальности, неизмеримо превосходят то, что постижимо человеческим разумом, но, тем не менее, их надлежит мыслить, как нечто весьма простое, близкое. Иные стратегии мышления о Боге необходимо лишь ограниченно допускать в теологическом дискурсе. Акт веры остается необходимым и неустранимым в процессе познания трансцендентного, несмотря на постсхоластическую привычку все подводить под пробу рассудка, интеллектуального обоснования божественного бытия.

«Недаром движение частей в стремлении к совершенству направлено к целому, как тяжелое движется в сторону земли, легкое – вверх, земля – к земле, вода – к воде, воздух – к воздуху, огонь – к огню; движение целого в меру возможного приближается к круговому, и всякая фигура – к шару, как видим в частях живых существ, растениях и небе. Одно движение при этом кругообразнее и совершеннее другого, и так же различаются между собой фигуры. Итак, фигура Земли благородна, то есть шаровидна, и её движение кругообразно, но могло бы быть еще совершеннее» [8, с. 134].

Следование аристотелевой модели понимания сущего, свойственное схоластическому мирозерцанию, не отпускает и Николая Кузанского. Все, что кажется нам неподвижным, в действительности, движется. Именно в этом контексте высказывается мыслителем знаменитая концепция «минимакса», согласно которой центр метафизической вселенной повсюду, а окружность нигде. В этом утверждении весьма ценна мысль о том, что в круговом движении гораздо важнее вопрос о центре круговращения, как

инстанции божественного. И если такой центр существует, то круговое движение возникает спонтанно. «Земля в действительности движется, хоть мы этого не замечаем <...> каждому, будь он на Земле, на Солнце или на другой звезде, всегда будет казаться, что он как бы в неподвижном центре, а все остальное движется, он обязательно будет каждый раз устанавливать себе разные полюса, одни – находясь на Солнце, другие – находясь на Земле, третьи – на Луне, на Марсе и так далее. Окажется, что машина мира будет как бы иметь повсюду центр и нигде окружность. Ибо ее окружность и центр есть Бог, который всюду и нигде» [8, с. 133–134].

Метафора часов в Новое время

Дальнейшая эволюция идеи кругового движения и цикличности в европейской культуре связана с символом механических часов. Рене Декарт, благодаря метафизическим инвенциям которого изменила ход своего развития европейская метафизика, предусматривает фундаментальную возможность сближения естественного и искусственного, природосообразного и измышленного в европейской научной картине мира [5]. Колеса и шестерни часового механизма становятся дополнением, эрзацем, условной имитацией способов кругового движения, заложенных в мире явлений природы. Философ полагал, что «в механике нет правил, которые не принадлежали бы физике; поэтому все искусственные предметы вместе с тем и предметы естественные» [4, с. 419]. Происходит сближение и, по сути, соединение естественного и искусственного. Условная «вторая природа», которую формирует человек вокруг себя, максимально сближается с первой и единственной в картезианском представлении о мире: «часам не менее естественно показывать время с помощью тех или иных колесиков, из которых они состоят, чем дереву приносить плоды» [4, с. 419]. Примерно в том же духе построены рассуждения о мире как о часовом механизме других новоевропейских мыслителей – Фрэнсиса Бэкона и Томаса Гоббса. Ф. Г. Юнгер много позднее подвел итог этого пристрастия европейцев к измерению «мертвого времени» [20].

Достаточно поздняя культурно-историческая рефлексия о соотношении божественного и трансцендентного, живого и умертвленного на циферблате механических башенных часов времени присутствует в стихах Райнера Марии Рильке:

*...и привесили к нему, как гири,
(так от вознесенья стерегли)
все соборы о едином клире
тяжким грузом, чтобы он, кружа
над своей бескрайнею цифирью,*

*но не преступая рубежа,
был их будней, как часы, вожатый.
Но внезапно он ускорил ход,
маятником их сбивая с ног,
и отхлынул в панике народ,
прячась в ужасе от циферблата.
И ушел, гремя цепями, Бог.*

(Р.-М. Рильке. *Бог в Средние века*)

В этом смысле Фридрих Ницше просто подвел итоги процессу утраты европейской культурой трансцендентного измерения, экранирования присутствия божественного начала, когда ввел в философский оборот знаменитое изречение «Бог умер» [10; 11]. Уход Бога – это утрата изначального истолкования природы как *φύσις*, изгнание всего трансцендентного из социального мира. Это изгнание закрепляет такой универсальный символ европейской культуры как механические часы. При всей идеальности кругового движения на циферблате, мы должны помнить, что изобретение механических часов монахом и чернокнижником Гербертом Аврилакским в X веке имело демонические, а не божественные коннотации. Недаром фигура знаменитого чернокнижника привлекла внимание булгаковского Воланда. Когда в позднем Средневековье башенные часы на соборах в европейских городах стали способом регламентации ритма городской жизни, унификация времени труда и отдыха ознаменовала начало новой эпохи, с ее отказом от трансцендентного понимания живого времени самой природы. На место живого понимания времени и символизма циклического движения заступило понимание кругового движения как особой идеальности, абстрактной схемы.

Иоганн Вольфганг Гете использует метафору танца, «пляски», говоря о Природе. И основная фигура такого танца – вихревое, круговое, по сути, движение. «Природа! Окружённые и охваченные ею, мы не можем не выйти из неё, ни глубже в неё проникнуть. Непрошенная, нежданная, захватывает она нас в вихрь своей пляски и несётся с нами, пока, утомлённые, мы не выпадем из рук её» [4, с. 37]. К пониманию творчества природы как своеобразной космогонической «игры» или «танца» в «Пояснении» 1828 года у И.-В. Гёте добавляется характерная для мировоззрения европейского механицизма метафора «махового колеса». Можно заключить, что метафора «танца» организуется вокруг двух механистических моментов, где присутствует «созерцание двух маховых колес всей природы: понятие о полярности и повышении» [4, с. 40].

Важно отметить сущностное изменение в мировоззрении И.-В. Гете по отношению к античному способу мирозерцания. Здесь угадывается неявно присутствующий «картезианский след». При всей общей романтической настроенности и натурализме вели-

кого немецкого мыслителя в его мировоззрении неустраним осадок новоевропейского механицизма. Таким образом, «время картины мира» (М. Хайдеггер) оставило свой неизгладимый след в представлениях европейцев о круговом движении – как в мире Природы, так и в мире артефактов, технических устройств. В Новое время в европейской мысли человек, как «центр сопряжений сущего» сам становится «тем сущим, на котором основывается все сущее по способу своего бытия и своей истины» [17, с. 146]. Незримо происходит соединение несоединимого, совершенство техники подменило совершенство космического мироустройства в античном понимании.

Идея орбитальности в современную эпоху

Древняя метафора кругового движения и цикличности всего во вселенной претерпела значительную эволюцию, имея своеобразную проекцию в современной физической картине мира. Мы наблюдаем Вселенную как гигантский лабиринт сходящихся и расходящихся в круговом движении линий – эллиптические, спиральные, линзовидные формы движения звездного вещества. Элементарные частицы возникают одна через другую, что напоминает процесс собирания-разбирания символических, следующих друг за другом орбит, или орбиталей, по принципу матрешки (принцип вложения). Со времен Иоганна Кеплера, разработавшего это понятие, *орбита* в астрономии – это путь движения небесного тела в космическом пространстве относительно какого-либо другого небесного тела. Планеты, кометы, астероиды совершают свой путь в гравитационном поле других тел, как правило, обладающих большей массой. Помимо круговых, небесные тела совершают движения также и по эллиптическим, параболическим орбитам. Поэтому, если попытаться перевести современный дискурс «кругового» в дискурс «орбитального», эта интенция углубляет и расширяет представление о предмете нашего рассуждения. Орбитальность еще более чем круговое движение подразумевает наличие оптического центра, направляющего движение окрестного сущего. Однако, чем далее мы уходим в пространство гиперреального, тем более орбитальные траектории теряют свою осязаемую плотность и натуральность.

Жан Бодрийяр, автор концепции орбитальности, признает, что он начинал как «страстный поклонник» Ницше, что сохранил идеи последнего «в квазиглубинной памяти», сохранил либо «элементы его мысли», «его генеалогический метод», либо ту или иную «стимулирующую мысль» под эгидой ницшеанства [2, с. 65–66]. В итоге, Бодрийяр утверждает, что при всем этом «шел собственным путем» [2, с. 66]. Однако понятно, какой именно ракурс приобрели идеи

Ницше в интерпретации Бодрийяра – обозначенный последним перевод дискурса «кругового» в дискурс «орбитального» констатирует невозможность выхода современного сознания из мира симуляции. Что касается непосредственно ницшеанской идеи вечного возвращения, Бодрийяр считает, что «мы допустили бы ошибку, если бы последовали за Ницше, который «пытался обосновать идею вечного возвращения, используя науку», ведь «цикл метаморфоз предполагает вечное возвращение не того же самого, а форм» [2, с. 103]. Тем не менее основной смысл повторения сохранен: свободный поток вещей в потоке вечного возвращения, как это было у Ницше, Бодрийяр переводит на язык «конечного мира» симуляции: «в окружающем нас конечном мире имеется расклад форм, который обрекает их на взаимное соответствие в своего рода зоне резонанса, избирательного родства, и который заставляет их идти на смену друг другу в пределах специфического фатального цикла» [2, с. 104].

В современной реальности, по заявлению Жана Бодрийяра, происходит окончательная подмена первичной реальности потоками симулякров. Знаки циркулируют сами по себе, не отсылая ни к каким реальным прототипам.

«В сущности, всюду имела место революция, но она проходила не так, как мы себе это представляли. Все, что высвобождалось, получало свободу для того, чтобы, выйдя на орбиту, начать вращение» [3, с. 8]. Вместо небесных светил, сами вещи, точнее их дьявольские копии, симулякры, по выражению французского философа, «вышли на орбиту». «С началом первых орбитальных космических полетов завершилось освоение мира, но сам прогресс стал круговым, а человеческая вселенная превратилась в огромную орбитальную станцию» [3, с. 44]. Мир физических законов, траектории, константы, величины – все это обрело свои странные проекции в сфере воображаемого, в мире псевдовещей. Физическое перемещение становится менее значимым, чем виртуальная циркуляция вещей. Сама циркуляция означает отнюдь не совершенство божественной реальности, как ранее в античности и средневековье, которая возвышает любую вещь и дает ей смысл и цель существования. Ныне техногенная гиперреальность обладает известного рода совершенством, но оно являет собой симуляцию, идеальность неподлинного. В лучшем случае это совершенство техники, которая попадает в орбиту гиперреальности. Сегодня, в XXI веке, спустя десятилетия после выхода работ Бодрийяра можно констатировать, насколько технические устройства способны погрузить нас в мир виртуальной реальности, реальности онтологически недорожденной, неподлинной. Получается, что симбиоз информации и техники – это

нечно взаимобратимое, подлежащее гомогенизации в одной лишь «орбитальной» трансформации. Но главное в этой трансформации – сам переход от стабильного «вполне человеческого» состояния мира, от вполне осязаемых физических констант реальности в пространство-время псевдобытия, мир гиперреального. Циркулируют уже не столько «вещи», сколько кванты энергии, «биты» информации и импульсы электронных сигналов. Материя давно перестала быть только «веществом», но стала, по преимуществу, энергией и информацией. И эти энергия и информация непрерывно следуют по своей орбите в замкнутой системе гиперреальности.

«Перестает существовать не только путешествие, т.е. постижение Земли, но и физика и метафизика поступательного движения; от них остается лишь циркуляция, а все то, что предназначалось для возвышения, превосходства, устремления в бесконечность – знание, техника, сознание – искусно отклоняется, дабы выйти на орбиту» [3, с. 45]. Орбитальность мира – переход к трансэстетике системы вещей, отказ от духовного измерения реальности, не только «уплощение» мировосприятия, но и его фрактализация. Быть «цельным» сознанию вовсе необязательно, так же, как и человеку необязательно чувствовать целостность самого себя. И все же в метафизическом проекте Бодрийера все заканчивается «декретом об упразднении свободы во имя пребывания в мире цифры» [2, с. 112]. При этом для французского «гуру постмодерна» Ницше продолжает оставаться под знаком «несвоевременного» философа [2, с. 66]. А мы бы добавили: Ницше вне времени, и его проект сверхчеловеческого более глубок и перспективен. Также как, например, проект возвращения к изначальному мышлению, предпринятый Мартином Хайдеггером на примере творчества досократических мыслителей [21].

В отличие от трансэстетической реальности Бодрийера, мир Ницше – мир «живых» вещей» и подлинных смыслов. Ведь человеческая память – это целый мир итераций, вечного круговращения, где «вещи танцуют», «смеются и убегают» [11, с. 274]. Да, мир трагичен, а человек все еще не совершенен, человек познается через «великое отвлечение к человеку».

«Всё идёт, всё возвращается; вечно вращается колесо бытия. Всё умирает, всё вновь расцветает, вечно бежит год бытия», «вечно остаётся верным себе кольцо бытия» [11, с. 273]. В одном коротком фрагменте может быть представлена трансверсия смысловых модальностей разных культур – «кольцо», «год», «колесо». Круговое движение наиболее полно представлено в традиционной культуре, являясь органической составляющей мифоритуальных схем. «Колесо бытия», по сути, напоминает буддистское колесо Санса-

ры, «колесо года», или «коло», отсылает к славянской традиции, возможно, «колесо года», «год бытия» – это отсылка к кельтам и к нордической традиции.

Нельзя также забывать об эстетической стороне видения мира у Ницше. Мистерия вечного возвращения представляется в виде возобновляющейся космической симфонии, музыки небесных сфер, облагораживающей существо человека.

Современные исследования историков в области изучения традиционных индоевропейских мифоритуальных схем подтверждают эту вовлеченность человеческого сознания и телесности в космическое круговое движение: «индоевропейцы, почитавшие солнце и обращавшиеся во время молитвы к востоку, при круговом обходе или сакральном вращении вокруг своей оси должны были с неизбежностью следовать движению солнца по небесной сфере, т.е. через юг к западу и затем через север обратно к востоку» [15, с. 96]. Вместе с тем, не только исторические исследования архаической культуры, но и большой интерес современной медицины к проблеме циклов, цикличности, связанных с ритмами всего живого, по-новому заставляют взглянуть на древнейшие постулаты о круговом движении небесных тел и цикличности космических процессов [22].

Заключение

В процессе проведенного исследования получены следующие *результаты*.

Нами *установлено*, что идея кругового движения и цикличности в европейской картине мира претерпела значительную эволюцию. Для современного понимания физической картины мира очень важна концептуальная метафора «орбита», «орбиталь». В актуальном представлении о внутреннем и внешнем планах космической материи фигурируют не столько точки и линии, сколько «волны», «орбиты», «орбитали». Все в материальном мире движется и вращается в пределах своей траектории. На современном уровне научного познания все плотное, материально-вещественное либо куда-то исчезает, либо сублимируется. Было *определено*, что «выйти на орбиту» для любой вещи означает, прежде всего, перейти в искусственную, нечеловечески совершенную гиперреальность. Дело в первичных смыслах, которые фигурируют в непосредственном созерцании гиперреальности. Стихии первичного мирозозерцания и онтические противоположности существуют независимо, просто, будучи переплетены. Дело не столько в самой реальности, а в ее видении, в ее нюансах или аспектах. Бодрийер не отрицал, что Ницше «вне времени», и его проект сверхчеловеческого глубок, многогранен и перспективен. Прочтение идеи кругового движения и цикличности

с учетом двух перспектив видения, в частности, обозначенных в концепциях Бодрийяра и Ницше, онтологически углубляет указанные представления и делает их более яркими в антропологическом плане.

В исследовании *выявлено*, что на заднем плане вопроса о вечном возвращении всегда превосходящие человека реалии, некое внечеловеческое начало. В этом смысле Феникс в учении стоиков как образ разрушающейся и воссоздающейся вселенной гораздо глубже характеризует идею вечного возвращения, предложенную Ницше, чем идея всеобщего кругового движения.

В ходе нашего изучения *показано*, что смысл вечного возвращения – это возрождение самого человека в его наивысшем возможном состоянии.

Вместе с тем, круговое движение сущего, согласно Ницше – лишь проекция сверхчеловеческой воли, пронизывающей все сущее, мир природы и мир человека. Круговое движение и вечное возвращение того же самого на колесе событий или в кольце бытия – не столь простая фигура, как может показаться. Семантически это близко к тому, что было сказано о принципе абсолютного максимума у Николая Кузанского, где самая совершенная и всеобъемлющая конкретизация бесконечной линии есть круг. Все прямое – лишь иллюзия по отношению к обуслов-

ленному внечеловеческой волей метафизическому круговращению сущего. При этом круг приобретает черты эллипса или даже ленты Мёбиуса. С этой целью Ницше использует метафору именно песочных часов, а вовсе не солнечных, водных или механических. Немецкий мыслитель критически относился к механистическому мировоззрению, к пониманию мира как машины. Ницше – философ жизни.

Значимость и *перспективы* дальнейшего изучения учения Ницше о вечном возвращении состоят в обновлении учения о человеке в его новом качестве, без утраты последним собственного места и роли во Вселенной, в отличие, например, от проектов постмодернизма или трансгуманизма, в которых присутствует разрушение, духовный тупик. Будучи синхронистичным современным представлениям о цикличности в области биологии медицины, физической картине мира, ницшеанство предоставляет в наше распоряжение урок антропологического оптимизма, веры в успешное продолжение проекта «человек». В ницшеанстве присутствует возможность созидания вертикали, а не горизонталь бытия, дальнейшего духовного развития человека и обретения живого смысла. В этом контексте круговое движение символизирует неизбежное стремление человека к бессмертию и некротимое движение к достижению совершенства.

Литература

1. Аристотель *Метафизика* / пер. с греч. А. В. Кубицкого. – М.: Эксмо, 2006. – 608 с.
2. Бодрийяр Ж. *Пароли: от фрагмента к фрагменту*. – Екатеринбург: У-Фактория, 2006. – 200 с.
3. Бодрийяр Ж. *Прозрачность зла*. – М.: Добросвет, 2006. – 258 с.
4. Гёте И.-В. *Избранные философские произведения*. – М.: Наука, 1964. – 520 с.
5. Декарт Р. *Сочинения в 2 т.: Пер. с лат. и франц. С. Я. Шейнман-Топштейн и др. Т. 1*. – М.: Мысль, 1989. – 656 с.
6. Древняя Индия. *Язык. Культура. Текст. Сборник статей*. – М.: Восточная литература, 1985. – 272 с.
7. Койре А. *От замкнутого мира к бесконечной вселенной*. – М.: Издательство Логос, 2001. – 288 с.
8. Кузанский Н. *Соч. в 2-х томах. Т. 1*. – М.: Мысль, 1979. – 488 с.
9. Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М., Сенокосов Ю. П. *Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке: монография*. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 224 с. – EDN: SUMCJX.
10. Ницше Ф. *Воля к власти*. – СПб.: «Лениздат», 2020. – 480 с.
11. Ницше Ф. *Так говорил Заратустра* / пер. с нем. Ю. Антоновского. – М.: Эксмо, 2010. – 416 с.
12. Ницше Ф. *Ессе Номо* / пер. с нем. Ю. Антоновского, В. Флеровой. – СПб.: Азбука Классика, 2007. – 224 с.
13. Платон *Диалоги*. – М.: Мысль, 1986. – 607 с.
14. Платон. *Собрание сочинений в 4 т. Т. 3* / пер. с древнегреческого С. С. Аверинцева и др. – М.: Мысль, 1994. – 656 с.
15. Подосинов А. В. *Сакральное направление кругового движения в древних культурах // Новое прошлое*. – 2024. – № 4. – С. 94–112. – <https://doi.org/10.18522/2500-3224-2024-4-94-112>. – EDN: OOLVEQ.
16. Татаркевич В. *О счастье и совершенстве человека*. – М.: Прогресс, 1981. – 368 с.
17. Хайдеггер М. *Ницше. Т. 1*. – СПб.: Владимир Даль, 2006. – 608 с.
18. Элиаде М. *Космос и история*. – М.: Прогресс, 1987. – 312 с.
19. Хайдеггер М. *Работы и размышления разных лет*. – М.: Гнозис, 1993. – 464 с.

20. Юнгер Ф.-Г. Совершенство техники. – СПб.: Владимир Даль, 2002. – 559 с.
21. Heidegger M. (1992) Gesamtausgabe. Band 54. Parmenides. Zweite Auflage. – Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann Verlag, 257 s. (In German).
22. Hopwood N., et al. (2021) Cycles and circulation: a theme in the history of biology and medicine. *History and Philosophy of the Life Sciences*. – Vol. 43. – No. 3. – Article Number. 89, pp. 2–39. – <https://doi.org/10.1007/s40656-021-00425-3>. (In Eng.).

References

1. Aristotle (2006) *Metafizika* [Metaphysics]. Moscow: Eksmo, 608 p. (In Russ., transl. from Greek).
2. Baudrillard, J. (2006) *Paroli: ot fragmenta k fragmentu* [Passwords: From Fragment to Fragment]. Yekaterinburg: U-Faktoriya, 200 p.
3. Baudrillard, J. (2006) *Prozrachnost' zla* [The Transparency of Evil]. Moscow: Dobrosvet, 258 p.
4. Goethe, J.-W. (1964) *Izbrannyye filosofskiye proizvedeniya* [Selected Philosophical Works]. Moscow: Sciences, 520 p.
5. Descartes, R. (1989) *Sochineniya v 2 t.* [Works in 2 volumes]. Vol. 1. Moscow: Thought, 656 p. (In Russ., transl. from Greek and French).
6. *Drevnyaya Indiya. Yazyk. Kul'tura. Tekst. Sbornik statey* [Ancient India. Language. Culture. Text. Collection of articles]. (1985) Moscow: East Literature, 272 p.
7. Koyre, A. (2001) *Ot zamknutogo mira k beskonechnoy vselennoy* [From a Closed World to an Infinite Universe]. Moscow: Logos Publishing House, 288 p.
8. Kuzansky, N. (1979) *Soch. v 2-kh tomakh* [Works in 2 volumes]. Vol. 1. Moscow: Thought, 488 p.
9. Mamardashvili, M. K., Pyatigorsky, A. M., Senokosov, Yu. P. (1997) *Simvol i soznaniye. Metafizicheskiye rassuzhdeniya o soznanii, simvolike i yazyke* [Symbol and Consciousness. Metaphysical Reasoning about Consciousness, Symbolism, and Language]. Moscow: School «Languages of Russian Culture», 224 p.
10. Nietzsche, F. (2020) *Volya k vlasti* [Will to Power]. St. Petersburg: «Lenizdat», 480 p.
11. Nietzsche, F. (2010) *Tak govoril Zarathustra* [Thus Spoke Zarathustra]. Moscow: Eksmo, 416 p. (In Russ., transl. from German).
12. Nietzsche, F. (2007) *Ecce Homo* [Ecce Homo]. St. Petersburg: Alphabet Classica, 2007. – 224 p. (In Russ., transl. from German).
13. Platon (1986) *Dialogi* [Plato's Dialogues] Moscow: Thought, 607 p.
14. Platon (1994) *Sobraniye sochineniy v 4 t.* [Collected Works in 4 Volumes]. Vol. 3 Moscow: Thought, 656 p. (In Russ., transl. from Greek).
15. Podosinov, A. V. (2024) [The Sacred Direction of Circular Motion in Ancient Cultures]. *Novoye proshloye* [New Past]. Vol. 4, pp. 94–112. – <https://doi.org/10.18522/2500-3224-2024-4-94-112>. (In Russ.).
16. Tatarikiewicz, V. (1981) *O schast'ye i sovershenstve cheloveka* [On the Happiness and Perfection of Man]. Moscow: Progress, 368 p.
17. Heidegger, M. (2006) *Nitshe* [Nietzsche]. Vol. 1. St. Petersburg: Vladimir Dal, 608 p.
18. Heidegger, M. (1993) *Raboty i razmyshleniya raznykh let* [Works and Reflections of Different Years]. Moscow: Gnosis, 464 p.
19. Eliade, M. (1987) *Kosmos i istoriya* [Cosmos and History]. Moscow: Progress, 312 p.
20. Jünger, F.-G. (2002) *Sovershenstvo tekhniki* [Perfection of Technology]. St. Petersburg: Vladimir Dal, 559 p.
21. Heidegger, M. (1992) Gesamtausgabe. Band 54. Parmenides. Zweite Auflage. *Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann Verlag*, 257 s. (In German).
22. Hopwood, N., et al. (2021) Cycles and circulation: a theme in the history of biology and medicine. *History and Philosophy of the Life Sciences*. Vol. 43. No. 3. Article Number. 89, pp. 2–39. – <https://doi.org/10.1007/s40656-021-00425-3>. (In Eng.).

Информация об авторах:

Владислав Борисович Малышев, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук, Самарский государственный технический университет, Самара, Россия

ORCID iD: 0000-0002-3248-7920

e-mail: vlmaly@yandex.ru

Татьяна Геннадьевна Стоцкая, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук, Самарский государственный технический университет, Самара, Россия

ORCID iD: 0000-0001-9247-2555

e-mail: stotskaya@yandex.ru

Александр Алексеевич Шестаков, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных наук, Самарский государственный технический университет, Самара, Россия

ORCID iD: 0000-0001-8744-041X

e-mail: shestakovalex@yandex.ru

Вклад соавторов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 25.09.2025; принята в печать: 27.01.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Vladislav Borisovich Malyshev, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social-Humanitarian Sciences, Samara State Technical University, Samara, Russia

ORCID iD: 0000-0002-3248-7920

e-mail: vlmaly@yandex.ru

Tatyana Gennadyevna Stotskaya, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social-Humanitarian Sciences, Samara State Technical University, Samara, Russia

ORCID iD: 0000-0001-9247-2555

e-mail: stotskaya@yandex.ru

Alexander Alekseyevich Shestakov, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Social-Humanitarian Sciences, Samara State Technical University, Samara, Russia.

ORCID iD: 0000-0001-8744-041X

e-mail: shestakovalex@yandex.ru

Contribution of the authors:

Authors declare no conflict of interest.

The paper was submitted: 25.09.2025.

Accepted for publication: 27.01.2026.

The authors have read and approved the final manuscript.